

ДЕТЕКТИВ-НОСТАЛЬГИЯ

Традатель **КРОВИ**

Полное погружение
в атмосферу
ЭПОХИ 30-х

АЛЕКСАНДР ДОЛГИРЕВ

Детектив-Ностальгия

Александр Долгирев

Продавец крови

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Долгирев А. С.

Продавец крови / А. С. Долгирев — «Эксмо»,
2026 — (Детектив-Ностальгия)

ISBN 978-5-04-247396-8

Конец тридцатых годов. Во дворе одного из московских домов обнаружен полностью обескровленный труп. Лейтенанты МУРа Дмитрий Белкин и Евгений Таратин устанавливают мусоровоз, на котором перевозили страшный груз. Но допросить водителей мусоровоза не удастся: одного из них находят убитым, другой пускается в бега. Очевидно, кто-то старается избавиться от ненужных свидетелей... В ходе расследования оперативники обнаруживают целый склад обескровленных тел и вспоминают, что подобные нападения уже имели место несколько лет назад. Тогда жертвами становились молодые женщины. Одной из них, к счастью, удалось выжить. Ее жуткий рассказ выводит сыщиков на необычного маньяка...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-247396-8

© Долгирев А. С., 2026
© Эксмо, 2026

Александр Сергеевич Долгирев

Продавец крови

© Долгирев А., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Москва. Сентябрь 1937 года

Дмитрий Белкин поежился и зябко потер руки. Была еще только середина сентября, а по утрам уже холодно. Белкин не сдержал зевок, и ровно в этот момент старенький автобус наскочил на какой-то особенно неприятный ухаб или яму. Автомобиль со скрипом подпрыгнул, и Дмитрий подпрыгнул вместе с ним. Когда сила притяжения взяла свое и приземлила следователя на потертое сиденье, его челюсти непроизвольно сомкнулись, и он лишь чудом не прикусил себе язык до крови. Беззлобно чертыхнулся и хмуро уставился в окно.

Ему нравилась утренняя Москва. Этот шумный, беспорядочный город истекал людьми из всех отверстий, людское мельтешение не останавливалось никогда...

Белкин поймал лицом лучи утреннего солнца и постарался улыбнуться. Получилось вымученно – он не любил себя в такие моменты, когда его недуг обострялся и грубо напоминал о себе.

Дмитрий знал, что день будет тяжелым. Знал об этом с того самого момента, когда Зина разбудила его, вырвав из липкого сна о прошлом. За ним заехали и повезли куда-то – он не стал толком вдаваться, куда именно. Туда, где нашли труп.

Автомобиль противно взвизгнул, потом устало рыкнул, вздрогнул, легко подтолкнув вперед всех, кто находился внутри, и, наконец, затих. Белкин энергично потер лицо руками, стряхивая с себя остатки сонного оцепенения, и преувеличенно бодро выскочил наружу.

Это был старый дворик, похожий на все старые дворики. В двух шагах отсюда – через арку и поворот – был широкий, шумный и кичливый проспект, а здесь – ушедший век. Почему-то пахло мокрым железом.

Дмитрий сразу заметил небольшую группу людей, стоявшую над каким-то мешком: двое милиционеров, двое ранних работяг и кто-то еще. Вроде тоже трудящийся, но что-то в нем было не так. Белкин присмотрелся к нему внимательнее, но не смог сказать ничего определенного, кроме того, что этот человек умел себя держать.

Один из милиционеров повернулся к Белкину и тем, кто был с ним. Его лицо уже успело изобразить нарочито скучающую гримасу, с которой людей просят не лезть не в свое дело, но разум сгладил ее до благожелательного облегчения. Белкин достал удостоверение и представился:

- Московский уголовный розыск, младший лейтенант Белкин.
- Милиционер Усков.
- Младший лейтенант Таратин!

Женя Таратин чуть не прокричал свое имя, спешно поравнявшись с Белкиным. Дмитрий едва заметно поморщился, но тут же смирил свои чувства – Таратин был следователем, и ему действительно нужно было себя назвать. Второй человек, прибывший с Белкиным, грузный и ворчливый криминалист Пиотровский, пребывал в настолько отвратительном настроении, что не стал снисходить до разговора. Это было не от высокомерия по отношению к милиционеру Ускову – он и с Белкиным обошелся только приветственным кивком, когда Дмитрий садился в служебный автобус.

- Что здесь?
- Да труп у нас, товарищ следователь.

– Это я вижу...

Белкин уже некоторое время смотрел на вспоротый холщовый мешок, из которого выглядывали отдельные детали скрывавшегося там трупа. Обнаженное костистое мужское колено с небольшим количеством волос, окоченелая рука, стоявшая под почти прямым углом расслабленной кистью вверх. Бескровная бледная кожа навевала на Белкина странные ассоциации с мясным цехом. Наконец, кончик носа и лоб – все остальное лицо было скрыто тенями и тканью мешка, в котором кто-то перевозил мрачный груз.

Все это время Усков говорил, и говорил много, но Белкин слышал только самое важное. В без четверти шесть утра в отделение пришел гражданин Прохоров, дворник. Он сообщил, что обнаружил труп в мешке во время утренней уборки. После этого дежурный направил милиционеров Ускова и Лягно на место преступления вместе с Прохоровым, а также позвонил на Петровку.

– ...ну с тех пор, значит, вас и ждали.

– Понятно.

Белкин окинул взглядом фигуры троих людей, которые не имели к милиции никакого отношения, и, понизив голос, обратился к Ускову:

– А эти товарищи что здесь делают?

Усков ткнул пальцем себе за спину и громко ответил:

– Так это товарищ Прохоров, который труп-то нашел.

Дмитрий отошел от милиционера и обратился к гражданским:

– Кто из вас Прохоров?

– Я – Прохоров, – отозвался тот самый человек, который обратил на себя внимание Белкина. Дворник?

– Так, а вы кто такие, товарищи?

Один из рабочих бросил взгляд на Прохорова, и тот ответил за них:

– Я попросил ребяток посторожить, пока милиция подъедет.

– Вы видели что-то?

– Нет, они уже после того, как я жм... труп нашел, появились, – вновь ответил Прохоров.

– В таком случае, товарищи, я вас не задерживаю. Подойдите, пожалуйста, к товарищу Таратину – пускай он запишет ваши имена и адреса. После этого можете быть свободными – если кому-то нужны объяснительные на службу, товарищ Таратин вам поможет.

Ребята дождались кивка Прохорова и отправились к Таратину, склонившемуся над трупом и смотревшему через плечо Пиотровского. Нестор Адрианович этого не любил, и Белкин почти не сомневался, что скоро криминалист начнет упражняться в желчном остроумии над его младшим коллегой. Это вызвало у него мимолетную улыбку, однако уже в следующее мгновение Белкин обернулся к Прохорову и кивнул ему головой на одну из ближних лавочек – там можно было пообщаться относительно свободно.

Прохорову было от сорока до пятидесяти. Он не был широк в плечах или крепок фигурой, хотя Белкин по опыту знал, что такие жилистые «заморыши» держатся на ногах дольше всех. Одежда его тоже не обращала на себя внимания аккуратностью или дороговизной, хотя, конечно, на дворника он не был похож. Главная черта Прохорова заключалась не во внешних признаках, не в атрибутах, а во внутреннем напряжении. Белкин был не очень чуток к таким вещам, но тут и не требовалось особенной проницательности – достаточно было обменяться с Прохоровым парой фраз, чтобы понять, что этот человек привык приказывать и умел заставить свои приказы выполнять.

– Вы ведь никакой не дворник, товарищ Прохоров, – заметил Дмитрий.

– А я и не товарищ, начальник.

– Надеюсь, что вы хотя бы Прохоров.

– Прохоров. Ну или Прохор. Знаешь меня?

– Нет, а должен?

– Пожалуй, что нет. Я в силе был еще до тебя, Дмитрий Белкин.

– Так. А ты меня откуда знаешь?

Прохоров усмехнулся, и Белкин увидел несколько золотых зубов.

– А я все знаю, начальник. Знаю об учителе твоём, Викторе Палыче Стрельникове, знаю о том отморожке, который шесть лет назад воду взбаламутил. И о нраве твоём чудном знаю – что числа большие в уме перемножаешь, да искать умеешь, как никто другой во всем МУРе. Хорошо, что тебя сразу прислали – я опасался, что поначалу придется иметь дело с кем-то вроде этого вот... – кивнул Прохоров на Таратина, который отошел от трупа и теперь о чём-то разговаривал с милиционерами.

– И что, ты вот прямо со мной хотел пообщаться? А если бы прислали кого-то другого?

– Тогда пришлось бы выходить на тебя по-другому.

Белкин заставил себя посмотреть в глаза «дворнику». Прохоров не угрожал и не пытался красоваться. У Дмитрия сложилось впечатление, что «авторитету» что-то от него нужно. И нужно сильно. Настолько сильно, что он действительно бы вышел на него, если бы судьба подкинула этого мертвеца в мешке какому-то другому следователю. Поразмыслив над этим пару секунд, Дмитрий произнес:

– Ладно. Зачем устроил весь этот цирк? Кто это? – мотнул он головой на мешок.

– В том-то и дело, начальник, что я не знаю. И никто не знает. Только «жмур» этот не первый. Вы, когда его внимательно рассмотрите да общупаете за все нужные места, сильно удивитесь. Я вот очень сильно удивился.

– Что ты имеешь в виду?

– Лучше, чтобы тебе это Нестор Адрианыч сказал – ему ты поверишь и не будешь глупых вопросов задавать.

Белкина начинала раздражать вся эта загадочность.

– Слушай, Прохор, если ты так хорошо меня знаешь, то знаешь и то, что до меня плохо доходит, когда со мной намеками говорят. Если у вас там что-то приключилось и ты хочешь за счет МУРа свои дела порешать, то ты не по адресу.

Прохоров долго молчал. Белкину даже стало казаться, что разговор закончен, но ровно в тот момент, когда он собирался подняться на ноги, Прохоров заговорил:

– Кто-то творит произвол. И произвол... гнилой. Совсем гнилой. Мы не можем с ним разобраться сами – поверь, мы бы сделали это, если бы могли. Я не знаю, получится ли у тебя, но Палыч сказал, что лучшего человека в Москве все равно нет.

– Это почему?

– А у тебя обостренное чувство справедливости.

– Ладно. Раз ты уже пытался решить проблему сам, подскажи, с чего мне начать.

– Это можно. Начни с грузовика с номером МЛ-40-73. Он проезжает здесь каждое утро, и время от времени возит... особый груз.

– Это все?

– Пока – да.

– Как тебя найти, если ты мне понадобишься?

– Суббота-воскресенье я выходной, а в остальные дни – здесь.

– Ты что, действительно дворник?

– Поэтому я с тобой и разговариваю – мне можно.

– Ладно, передавай привет Виктору Павловичу.

– Сам передавай. Забыл старика – некрасиво.

Белкин ничего не ответил и отвернулся от Прохорова.

* * *

Мертвец был молодым мужчиной – вряд ли больше двадцати пяти лет от роду, скорее меньше. Растрепанные и довольно длинные черные волосы закрывали его лоб и доходили до прикрытых глаз. На лице не было синяков или ссадин – по крайней мере, Дмитрий их не заметил. Мертвец был полностью обнажен, правая рука подогнулась за спину, а вот левая торчала вверх – это Дмитрий заметил еще раньше. А вот чего он прежде не разглядел, так это характерного синяка на бледном запястье – мертвец был привязан или прикован к чему-то наручниками. Белкин пригляделся – скорее все же привязан.

Мешок помимо трупа содержал в себе солому, которая создавала впечатление некоего ложа для мертвеца. Белкин не видел ничего, что могло бы указать на причину смерти, и это было странно. Если бы не следы от веревки, вообще нельзя было бы сказать, что этот мертвец по их части. Он обратился к Пиотровскому:

– Нестор Адрианович, место можно подробно не осматривать – тело сюда перенесли.

Пиотровский, не поднимая головы от трупа, проворчал:

– И кто же такой умный?

– Дворник, который нашел его.

Криминалист бросил взгляд на Прохорова, который лениво тянул папиросу на той же скамейке. Белкин не стал уточнять, узнал ли Пиотровский дворника.

– Понятно, – бросил Нестор Адрианович и снова вернулся к осмотру тела.

– Можете что-то сказать?

– Митя, я много чего могу сказать, но не люблю говорить, когда не уверен.

Оставив криминалиста, Дмитрий подошел к Таратину. Тот опрашивал милиционеров.

– Долго вам еще?

– Никак нет. Уже заканчиваю.

Белкин сделал пару шагов в сторону, давая молодому коллеге завершить опрос, и остался один на один со своими мыслями. Прохоров узнал о нем от Стрельникова – больше неоткуда. Конечно, в городе Дмитрия знали, но историю об убийствах в 1931 году в «Правде» не печатали, сам убийца с бандитами связан не был, да и вообще в той истории все концы ушли в воду вместе с единственным другом Белкина. Он вспомнил лицо Георгия таким, каким он увидел его на опознании в морге: «ушло в воду» – это неверное определение – Георгий завершил ту историю последней самоубийственной атакой, а не постыдным погружением на дно. Теперь все, до самого конца, знали только сам Белкин и Зина, и никто из них не собирался делиться этой тайной с кем-то другим.

Но Стрельников знал почти все, и то, что он решил рассказать о том деле постороннему, да еще из «среды», было странно. Пожалуй, Стрельников мог пойти на это только в одном случае – если Прохоров смог его убедить в том, что дело серьезное.

«Кого могут бояться бандиты? – Того, кого не понимают, Митя. Того, кого не знают. И того, кто страшнее их самих».

Стрельникову не обязательно было присутствовать рядом, чтобы Белкин вел с ним диалог. Разумеется, воображаемый. В период совместной работы они так и действовали. Белкин замечал, а Стрельников понимал, что именно он замечал. Почему-то больше ни с кем у Белкина так не получалось.

– Никто из них этого парня раньше не видел. Да и вообще ничего конкретного сказать они не могут. Поступил вызов – они его отработали.

Таратин появился рядом неожиданно для погруженного в свои мысли Дмитрия.

– Еще они сказали, что дворник и его... друзья, должно быть, принесли труп откуда-то, но они не стали приставать к ним с вопросами, решили дождаться нас.

– Да, труп действительно перенесли. Судя по всему, его... он выпал из грузовика.

– Это дворник сказал?

Белкин бросил взгляд на скамейку, но Прохорова на ней уже не было. Затем перевел взгляд на лицо Таратина и, немного подумав, решил играть в открытую – до определенной степени, конечно.

– Дворник Прохоров раньше был из наших клиентов – это, полагаю, вы и сами уже заметили. Что-то в этом трупе его беспокоило настолько, что он решил привлечь милицию.

– Так, может, это с него мы должны начать?

– Не думаю. Если этот труп от него, его действия совершенно нелогичны. Нет, он действительно хочет, чтобы мы узнали, что произошло с бедолагой.

– Но это не значит, что у него нет своих целей.

– Не значит. Но пока что и сам этот труп, и единственный след у нас есть только благодаря ему.

– След? Какой след?

– А вот об этом я и хотел с вами поговорить. Прохоров говорит, что труп был на грузовике с номером МЛ-40-73. Его надо найти. Прохоров сказал, что этот грузовик регулярно по утрам проезжает по проспекту. И... – Белкин замаялся, но решил все же закончить фразу: — ...Прохоров говорит, что это не первый труп, который везли на этом грузовике.

– Прохоров то, Прохоров се... – усмехнулся Таратин. – Что же он тогда сам не разобрался, если столько знает?

– А вот это, Женя, правильный вопрос. Не хочу вас раньше времени пугать, но, возможно, мы столкнулись с чем-то большим. Может быть...

Белкин вновь осекся, но на этот раз решил не договаривать. Он хотел сказать: «Может быть, с чем-то настолько большим, что это будет нам не по зубам».

Конечно, Таратин заметил паузу, но, поняв, что его коллега не собирается договаривать, лишь еще раз усмехнулся:

– Ладно. Поживем – увидим. Что сейчас-то делать? Искать этот грузовик?

– Да, займитесь этим, а я пока закончу здесь.

Таратин кивнул и спросил:

– Кстати, а что там с трупом? Пиотровский меня прогнал, толком ничего не сказав.

Пришло время Белкину усмехаться:

– Да, меня тоже. Не волнуйтесь, Нестор Адрианович свое дело знает, иначе его никто не стал бы терпеть.

Заложив руки в карманы, Таратин зашагал в сторону проезда.

Стоило молодому следователю скрыться за углом проезда, как Пиотровский окликнул Белкина. Когда Дмитрий поравнялся с криминалистом, тот произнес, совершенно не рисуясь и без привычной капризной нотки в голосе:

– Как же мне надоело гнуть спину над «жмурами», Митя. Вы бы знали!

– А я знаю.

– Ладно, к делу. Когда этот балбес от меня отстал, я смог кое-что обнаружить. Смотрите.

Белкин наклонился и посмотрел на то место, на которое указывал Пиотровский. А указывал он на сгиб локтя левой руки мертвеца – там расцветал болезненным цветком синяк от неаккуратно сделанной инъекции.

– Значит, его отравили?

– Не спешите, Митя. – Нестор Адрианович аккуратно поднял правую ногу мертвеца и с сухим хрустом распрямил ее. – Посмотрите на сгиб колена.

Белкин присел на корточки и только так смог увидеть такой же синяк на ноге мертвеца.

– И на второй ноге такой есть. А вот на правой руке почему-то его нет.

– Но зачем так упражняться – что, не смогли сразу его отравить и стали тыкать иголкой везде подряд? Или это была пытка?

– Вообще, я не закончил – тут еще работать и работать. Но если хотите знать мое мнение, ни то ни другое. Посмотрите на места уколов – это крупные вены. Когда травят, стараются колоть незаметно, поэтому мне кажется... что дело не в том, что ему ввели, а в том, что у него забрали.

– В каком смысле?

– Посмотрите на цвет кожных покровов. Какие трупы так выглядят?

Белкин выпрямился и вновь окинул взглядом тело. Кожа мертвеца была бледной до синевы.

– Так выглядят тела тех, кто умер от кровопотери. Или тех, кто полежал в холоде.

– Или и то и другое.

– Что по времени смерти?

– В том-то и дело – не могу пока точно ответить... Вы скажете или мне сказать?

Белкин не сразу понял, что именно хочет услышать Пиотровский, но когда через несколько секунд нужная мысль все же пришла ему в голову, он ее тут же воплотил в слова:

– Но как он мог быть обескровлен, если на теле нет крупных ран?

– Вот, Митя. Кажется, кровь из покойничка не слили, а выкачали.

* * *

Кто бы и по какой бы причине ни хотел привлечь внимание Белкина к этой смерти, сейчас у него были другие дела помимо нее. Тем более что по этому делу продолжали работать Пиотровский и Таратин. Оставив автобус с Нестором Адриановичем, Дмитрий добрался до ближайшего трамвая и отправился в восточную часть города, в еще один дворик, правда, более запущенный и грязный – здесь дворник был похуже.

Он придал себе вид слоняющегося бездельника и попросил прикурить у сидевшего на лавочке оборванца с черными пятнами на лице. Тот хрипло ответил что-то маловразумительное, но старый мятый портсигар Дмитрию протянул. Следователь взял папиросу, немного помял ее, а потом заложил за ухо – он не курил. После этого сел на лавочку рядом с агентом «наружки» и заговорил, убедившись, что поблизости никого нет:

– Они не выходили?

– Никак нет, Дмитрий Петрович. С вечера не выходили.

– Что делают?

– Вроде как квасят.

– Ясно...

В одной из квартир старого дома, напротив которого устроились милиционеры, скрывались члены банды грабителей, устроившей за лето четыре налета на магазины. Работали по ночам, трупов пока не было, но начальству они заметно поднадоели. Собственно, Белкина к этому делу подключили не сразу, а именно из-за того, что Рома Хлынов, по мнению начальства, не справлялся. Сейчас Хлынов бегал за старшим в банде, а Белкин контролировал двух его подельников, уже несколько дней пропивавших награбленное. Пока их не брали – ждали, что они выведут на главаря – матерого уголовника по кличке Сугроб.

В эту ночь здесь дежурил молодой Виктор Раск, который весьма ловко выдавал себя за алкоголика много старше себя по возрасту – сказывалось театральное происхождение.

– Уже третий день здесь сидим, Дмитрий Петрович, – протянул Раск. – Надо брать их.

– Пока следим. Сугроб может нагряться в любой момент, или они могут с ним связаться. Вас сменил Нестеренко через два часа.

– Есть... Смотрите!

Во двор, заметно пошатываясь, выбрался весьма потрепанный субъект, одетый в длинное и заметно испачканное пальто, для которого пока было рановато. Интерес Раска этот субъект привлек потому, что это и был Сугроб.

Лицо бандита несло на себе следы недавней драки. Все его движения говорили о том, что он не вполне их контролирует. Но явное неудобство и даже болезненность, скрывавшаяся за каждым шагом, не позволили Белкину решить, что Сугроб просто мертвецки пьян. Впрочем, сейчас это было не очень важно.

Дмитрий поднялся и бросил Раску:

– Обойдите со спины. Следите за руками – он вооружен.

Раск кивнул и, сохраняя свое прикрытие, нетвердо и рассеянно стал обходить Сугроба по широкой дуге.

Дмитрий прошел к двери подъезда, куда, очевидно, и направлялся бандит, но заходить не стал. Он привалился к стене рядом с входом и стал ждать. Сугроб вообще не смотрел в его сторону. Лицо его вдруг обратилось вверх, к серому небу, и на нем была явственно запечатлена крайняя мука. Затем он издал тихий стон, ноги его подкосились, и бандит упал на землю. Белкин поспешил к нему, но когда склонился над Сугробом, тот уже не дышал.

– Чего это с ним? – удивился Раск.

– Помогите мне, – попросил Белкин.

Они аккуратно перевернули мертвеца, и только тут Дмитрий заметил, что пальто было испачкано не только в грязи, но и окровавлено. Он расстегнул его и увидел сразу три глубоких ножевых ранения. Как Сугроб держался на ногах и даже смог пройти некоторое расстояние с такими ранами – великая тайна, которой не суждено было раскрыться.

Раск выругался. Белкин бросил взгляд сначала на угол, из-за которого вышел Сугроб, затем на подъезд, до которого он так и не дошел, и сказал:

– Оставайтесь здесь. Я сейчас вернусь.

– А эти? Что с ними делать? – Раск кивнул головой на мутное окно третьего этажа.

– Будем брать, но сначала дождитесь моего возвращения.

– Надо убрать его из-под окон.

Белкин бросил еще один взгляд на угол дома – хотел проверить, не преследовал ли кто Сугроба. Однако пока они будут возиться с телом, преследователь сможет все понять и уйти. Если он вообще был, конечно.

Все же Дмитрий решил, что синица в руке важнее. Они с Раском перенесли тело под желтую крону, которая должна была хоть как-то закрыть обзор из нужного окна. Однако сразу идти на задержание все же не стоило, поэтому Белкин оставил Раска и побежал в ближайшее отделение милиции.

Через пятнадцать минут во двор вошли три милиционера, которые без лишнего шума заняли места в ключевых точках – у входа во двор, у входа в подъезд и у трупа.

Белкин с Раском поднялись на третий этаж. Дмитрий достал свой наган, проверил, а затем завел за спину и посмотрел на коллегу с немым вопросом. Тот стоял чуть в стороне, контролируя дверной проем, в его руках был ТТ. Он кивнул, и Белкин постучал в дверь.

Стучать пришлось долго, даже колотить. Наконец за дверью послышалось какое-то движение, а затем раздался приглушенный хриплый голос:

– Чего надо?

Прежде чем Белкин успел что-либо произнести, Раск выкрикнул:

– Это Сугроб! Открывай быстрее, у нас проблемы!

Дмитрий сжал зубы, но экспромт Раска сработал – послышался звук отодвигаемой цепочки, затем щелкнул замок. Дверь чуть приоткрылась, и Дмитрий с силой дернул ручку на себя, одновременно уходя вправо и освобождая себе пространство. В следующую секунду он,

не разбираясь, стукнул рукоятью револьвера по темечку того, кто был за дверью, перепрыгнул через грузно опускавшееся тело и поспешил в глубину помещения. Раск остался позади.

Можно было не спешить – второй спал беспробудным сном прямо за столом, на котором стояла вчерашняя закуска, забитая окурками пепельница и лежала бутылка, в которой все еще оставалось небольшое количество водки. Несколько пустых бутылок валялись под столом.

Белкин, не спеша расталкивая спящего, без всякого сопротивления перетянул его руки назад и надел на него наручники. После этого вернулся к Раску, который нависал над что-то мычавшим бандитом.

– Жив?

– А что мне станется?

Белкин улыбнулся уголками губ:

– Я имею в виду, он жив?

– А... Да все с ним нормально. Лыка не вяжет. Удивительно, как вообще понял, что я ему крикнул. А как второй?

– Спит. Наручники я надел, будить пока не стал.

Началась привычная оформительская суета, к которой в определенный момент подключился подъехавший Хлынов. На этом Дмитрий мог откланяться, тем более что людей для этой квартирки уже было явно многовато, и еще больше клубилось вокруг тела Сугроба, убийство которого было отдельным вопросом. Но отвечать на этот вопрос предстояло не Белкину...

* * *

Он отправился на Петровку и занялся бумажными делами, за которыми прошла вся вторая половина дня. Помимо записки о произошедшем с Сугробом и его поделщиками, Белкин оформил дело о неопознанном трупе и снова вернулся к нему мыслями...

Таратин до конца дня так и не появился, и Белкин уже собирался домой, когда в дверь кабинета вошел утомленный Пиотровский. Нестор Адрианович, не спросив, уселся напротив Белкина и налил себе воды из графина. Он выглядел так, будто только что долго бежал или поднимался по очень длинной лестнице.

– Все в порядке, Нестор Адрианович?

– Да, Митя, просто голова немного разболелась к вечеру.

Белкин с усилием поднял взгляд и встретился с взглядом Пиотровского. У Дмитрия были ровные отношения почти со всеми в МУРе, но после ухода Стрельникова у него здесь не было друзей. Пиотровский был ближе всех к тому, чтобы Белкин считал его приятелем. Насколько он понимал, для самого Нестора Адриановича дела обстояли схожим образом, пускай и немного по другой причине.

– Вы хотели мне что-то сказать?

– Да, есть первые результаты по утреннему трупу.

– Что вы выяснили?

– Тело некоторое время было в холоде – в ледовом шкафу или в холодильной камере.

– Так, уже хорошо – такие камеры есть далеко не везде.

– Проблема в том, что из-за этого мне труднее назвать время смерти. Но не больше нескольких дней.

– Так. То есть его кто-то убил, затем некоторое время тело хранили в холодном месте, а затем решили перевезти, скорее всего, для того, чтобы избавиться... А что по причине смерти?

– Я оказался прав – из него кровь выкачали.

– То есть он от этого умер?

– Других причин я не нашел. Митя, кому могло понадобиться несколько литров человеческой крови?

В голосе весьма бывалого Нестора Адриановича сквозило тяжелое чувство столкновения с чем-то действительно непонятным и пугающим. Натруженный разум Белкина к вечеру утратил остроту, поэтому он не сразу осознал, что именно так смущало Пиотровского.

– Давайте идти шаг за шагом. Надеюсь, Таратину удалось найти грузовик, о котором мне сообщил Прохоров, – сказал он.

– Вы следовательно, Митя, так что дальше – дело ваше. Но вот что увидел я – кто-то взял этого несчастного, обездвигил и выкачивал из него кровь, пока он не умер. Я пока не знаю, ввели ли погибшему что-то, чтобы он не сопротивлялся, но никаких следов, например, удара по голове, я не нашел. Понятно, что он быстро потерял способность бороться из-за слабости от потери крови, но сколько именно это продолжалось, я сказать не могу – может быть, за несколько часов все выкачали, бросили труп в ледник, а потом решили избавиться, как от использованного бинта, а может быть, все это длилось долго – от нескольких дней до нескольких недель... Знаете, Митя, если я когда-нибудь оставлю свою работу, то вот из-за того, что столкнусь с чем-то подобным.

Белкину нечего было на это ответить. Он понимал чувства Нестора Адриановича, но не чувствовал их сам, обратившись от усталости в один лишь человеческий аппарат.

– Вот что, Нестор Адрианович, утро вечера мудренее. Предлагаю по домам, а завтра вернемся к этому вопросу с новыми силами.

– Да, Митя, наверное, вы правы.

* * *

Через час с четвертью Дмитрий открыл дверь своего нового жилища. Все их не особенно обильные пожитки уже были распакованы, но пахло и звучало здесь все равно немного непривычно. Они жили здесь второй месяц.

– Прости, я задремала.

– Это ты прости – я припозднился.

Зина аккуратно прикоснулась к его руке. Она знала, что произойдет дальше, поэтому не испугалась, когда он резко отдернул руку и сделал невольный шаг назад. Примерно через полминуты, когда желание бежать и прятаться отпустило его, он сам протянул руку и прикоснулся к ее пальцам. С каждым мгновением чувство бешеного, липкого страха отпускало его, уходило напряжение, сопровождавшее каждую секунду его бытия, сменяясь тем, что ему могла дать только Зина – тихим покоем.

Он зажег свет и кое-как разогнал посторонние тени, копошившиеся в прихожей. Потом заглянул в спрятанные за толстыми стеклами глаза Зины и аккуратно снял с нее очки. Лицо Зины охватила растерянность, на лбу обозначилась озабоченная морщинка, но примерно через те же самые полминуты оно расслабилось, утратило выражение, а слабосильные глаза обратились на то место, где она видела немного смазанные очертания его лица. Ее зрачки расширились, когда глаза потеряли своих «стеклянных слуг», но теперь в них поселилась доверчивая усталость. Дмитрию показалось, что он видит в темных беззвездных океанах свое отражение.

В следующее мгновение она его обняла.

Этот день был прожит. Они пережили его. Каждый по-разному, каждый сталкиваясь со своими трудностями, каждый терзаясь своим собственным одиночеством. Но теперь пришло время доверия. И отдыха. Ведь завтра будет новый день, и все начнется заново.

* * *

– Чем порадуете, Женя?

Сегодня Таратин снова ждал Белкина на одном из сидений служебного автобуса. Правда, Пиотровского на этот раз не было. Евгений выглядел невыспавшимся и помятым, а вот Белкин пребывал в относительно бодром расположении духа. Молодой следователь собрался было, начать отвечать, но предательская зевота настигла его в момент наибольшей уязвимости. Отзевавшись, Таратин все же заговорил:

– Простите – не выспался. Я нашел грузовик с этими номерами. Это мусоровоз, работает в южной части города, но точного маршрута я не знаю. Вчера дозвонился до треста, смог узнать общую информацию, но был уже вечер, поэтому ехать было бессмысленно. Поэтому предлагаю прямо сейчас съездить туда – может быть, мы даже сможем застать этот грузовик до выхода на маршрут. Если они сегодня работают, конечно.

– Ну да. А потом хорошо было бы отпустить Степана Савельича с мотором, а то на нас скоро волком смотреть будут.

Таратин бросил безнадежный взгляд на просыпавшийся город за окном, предвкушая еще один день, наполненный беготней на своих двоих и поездками в переполненных трамваях. Чтобы отвлечь коллегу от грустных мыслей, Дмитрий похвалил его и рассказал о том, что удалось установить Пиотровскому.

Евгений поначалу пытался острить и постоянно вставлял вопросы, но чем больше узнавал об обстоятельствах гибели неизвестного молодого человека, тем грустнее становился.

– Как думаете, что это может быть?

– Понятия не имею, честно. Но если Прохоров не врет – а я полагаю, что по крайней мере об этом он не врет, – думаю, мы столкнулись с чем-то довольно основательным. Ледник или даже холодильная установка, чтобы держать жертв, да и сам способ убийства – до такого еще нужно додуматься.

– Думаете, это способ убийства?

Белкин не совсем понял вопрос коллеги.

– Ну других причин смерти Пиотровский не обнаружил – скорее всего, жертва действительно умерла от кровопотери.

– Это понятно. Я имел в виду другое – вы уверены, что целью всего этого было именно убийство?

– А что еще?

– Может, кровь?

Нужная Белкину и Таратину организация располагалась неподалеку от старого Сукина болота – раньше здесь были свалка и район скотобоен, так что место весьма подходящее.

Мусоровозы выходили на маршруты, погромыхивая и поревывая сонными двигателями. Белкин бросил один взгляд на гаражи и отметил для себя: «тринадцать машин, по два человека в каждой, номера нанесены белой краской на задние борта, кроме государственных номеров, есть еще какие-то номера и пометки – возможно, внутренняя система учета». По той части здания гаража, которую он видел, можно было предположить, что всего в это здание поместится не менее тридцати семи подобных грузовиков, но, делая поправку на то, что часть внутреннего пространства, очевидно, была занята чем-то другим, он был готов округлить свою оценку до тридцати или даже двадцати пяти машин.

Контора располагалась в соседнем здании, кирпичном – толстостенном бункере небольшого размера. Так строили в прошлом веке фабричные цеха и здания производств. Возможно, это была старая канцелярия одного из бытовавших здесь некогда предприятий.

Встретили их грубовато, но, конечно, удостоверения вызвали приступ холодного страха у всех, кто их увидел. Белкин с Таратиным были не по тому ведомству, но люди в этом не разбирались, да и разбираться, в общем, не хотели.

Директор – маленький, круглый человек с забавно топорщившимися волосами, обрамлявшими роскошную плешь, поняв, что к нему пришли люди из органов, где-то с минуту воз-

вращал себе самообладание, затем, осознав, что прямо сейчас его забирать не собираются, стал возвращать себе властность мелко-среднего начальника.

Мотор с таким номером действительно числился за трестом, ходил по девятому маршруту. Схему этого маршрута Белкин положил в планшетку. На этом грузовике обычно работали Князев и Суховей. На этом директор вдруг прервал себя и через несколько секунд вдруг бросил с явным облегчением в голосе:

– Так вы по их душу...

– А что с ними?

– Так я думал, вы мне это скажете... В общем, не вышли они сегодня.

– Оба?

– Да, ни того ни другого нет. И ни ответа ни привета.

– Интересно... А вчера они не вели себя странно?

– Ну я их лично вчера не видел. Но на маршрут вышли, с маршрута вернулись, мотор поставили.

– А кто мог вчера вечером их видеть?

– Да много кто – механики, другие водители, дежурный смены.

– Нам нужно с ними поговорить.

– Механики должны быть на местах, Тимофеева я вызову, он к обеду может подъехать – он вчера дежурил. А водители на маршруте, извините, товарищи, – развел руками директор.

– Хорошо, значит, поговорим с теми, кто сейчас на месте. Так, а адреса Князева и Суховей у вас есть?

– Люда! – неожиданно громко крикнул директор.

Буквально сразу же вбежала перепуганная секретарша. Впрочем, увидев начальника в более-менее привычной роли, она стала прямо на глазах оживать, хотя суетливость движений никуда не делась.

– Люда, найди мне адреса Суховей и Князева – это водители с девятого. Быстро!

– Поняла, Рудольф Эдуардович.

Секретарша покинула кабинет так же стремительно, как вошла в него. Когда дверь за ней закрылась, директор наклонился вперед и вкрадчиво спросил:

– Они что-то натворили?

На этот раз Белкин опередил Таратина:

– Товарищ Рудзекис, вчера был обнаружен труп, и у нас есть основания утверждать, что этот труп перевозился на грузовике с номером МЛ-40-73. Более того, есть показания, что мертвые тела перевозились на этом грузовике регулярно. Видимо, так от них избавлялись. Вам известно что-нибудь об этом?

Из директора ушла вся напыщенная самоуверенность. Он сжался и скукожился, став даже еще более несчастным, чем в момент, когда увидел их удостоверения.

– Это не я... Я не знаю ничего такого. Клянусь!

Последнее слово Рудзекис, окончательно потеряв самообладание, зачем-то выкрикнул, а потом упал на свой стул и стал хватать ртом воздух. Таратин подскочил к нему, налил воды из графина и стал отпаивать, тихо приговаривая:

– Не вы, конечно, не вы. Вы ничего не знали.

В ответ на эти слова директор часто закивал.

– Но может быть, было что-то подозрительное в последнее время, что-то связанное с этим мотором или с Князевым и Суховеем? Может быть, они говорили о чем-то, какими-то вещами дорогими козыряли? Портсигарами, зубами золотыми?

– Да я же... Я же...

– Пейте, пейте, товарищ Рудзекис.

Директор сделал еще несколько жадных глотков.

– У меня же много работников. Я не могу каждого знать – кто, что, куда. Я один, а их много. Я знать о них и их делах ничего не знаю. Работники как работники...

Таратин отодвинулся от директора и выпрямился:

– Значит, ничего ни о каких трупях не знаете?

Рудзекис закивал.

– И о Суховее с Князевым ничего конкретного сказать не можете?

Директор закачал головой еще энергичнее, хотя это казалось физически невозможным.

Таратин бросил взгляд на Белкина, и тот перенял инициативу:

– Вот что, товарищ Рудзекис, нам нужно будет поговорить со всеми вашими работниками – с теми, кто сейчас на месте, мы сейчас и поговорим, организуйте нам место. Шоферов будем опрашивать по мере их возвращения с маршрута. Никто, включая вас, не покидает рабочее место без нашего разрешения.

– Да, да, товарищи. Конечно-конечно...

– Кроме того, нам нужно осмотреть грузовик.

Рудзекис нашел в себе силы прервать Белкина:

– Простите, товарищ милиционер, но он уже на маршруте.

– Как так, если оба работника сегодня не вышли?

– Я Руденко и Мусаева поставил – их мотор в ремонте.

– Понятно. Тогда по возвращении грузовика вы ставите его в гараж, и на маршрут он не выходит до нашего разрешения. Советую придумать что-то с девятым маршрутом, чтобы у граждан не возникло затруднений с мусором.

– А сколько...

– Сколько это продлится? Не могу сказать – может, один день, а может быть... ну, скажем, неделю. Теперь последнее. Если вдруг Князев или Суховой как-то дадут о себе знать – вам или кому-то из работников, если вы просто что-то услышите о них – немедленно сообщите на Петровку с указанием, что это для Белкина или для Таратина – там поймут.

Выйдя из его кабинета, Белкин едва не столкнулся с взволнованной и раскрасневшейся Людой, которая сжимала в руках два бумажных листа из отдела кадров.

Дмитрий тщательно переписал с них информацию, а затем направился к выходу. Таратин не отставал. Сегодня было теплее, чем вчера, к тому же сквозь тучи пробивались лучи солнца. Евгений зажмурился, запрокинул голову и протянул:

– Кто куда?

Белкин бросил тревожный взгляд на гараж и ответил:

– Я могу проверить адреса.

– Ладно. Я не знаю, сколько здесь провожусь, так что, наверное, до встречи завтра на Петровке...

* * *

Борис Князев жил недалеко от места работы – примерно в получасе пешего хода. Белкин решил именно пешком преодолеть это расстояние. На месте старого Сукина болота уже давно стояли парники и теплицы, и все же слабый запах боен будто бы вьелся в окрестности. На улицах было не так много людей, как в центре, что, конечно, объяснялось разгаром рабочего дня.

Тяжелая скрипучая дверь коммунальной квартиры долго была недвижима, как бы Белкин ни пытался привлечь внимание укрывавшихся под ее защитой людей. Вполне могло оказаться, что в квартире просто никого не было. Однако когда Дмитрий уже собирался уходить, дверь все же приоткрылась, одарив его оглушительным скрипом, и раздался слабый старческий голос:

– Пошел вон, хулиган. Я милицию вызову.

Голос старушки был настолько слабым, что вместо угрозы был похож на мольбу.

– А я как раз из милиции! – улынулся Белкин. – Помощь ваша нужна, гражданка!

Одновременно он попытался показать старухе свои документы, но она даже не взглянула на них, подслеповато пялясь на его лицо. Наконец, старуха с усилием приоткрыла дверь, а затем еще и сделала приглашающий жест. Сама, правда, при этом позабыла посторониться, поэтому Дмитрию пришлось протискиваться мимо нее.

Внутри пахло подгоревшей едой, старой одеждой и частыми склоками. Белкин быстро прикинул – четыре закрытых двери с отдельными замками, одна открытая, кухня, санузел.

Старуха, закрыв за ним дверь, не говоря ни слова, прошла в кухню, причем с большей живостью, чем ожидал Белкин. Он прошел следом за ней и спросил:

– Борис Князев здесь проживает?

Где-то с минуту старуха смотрела на него, будто пыталась понять суть вопроса. Наконец, вновь раздался слабый голос:

– Борька-то? Да, есть такой. А чего, пристукнул его, что ли, кто?

– А есть за что?

– Да нет. Не за что.

– Тогда почему вы решили, что с ним что-то случилось?

– Ну вы ведь из милиции.

– Из милиции.

Только через несколько секунд Дмитрий понял, что старуха не спрашивала, а отвечала. Он позволил себе без спросу сесть на табурет напротив нее, надеясь, что хоть так ей будет проще удерживать внимание.

– Послушайте, как вас зовут?

– Лукинична я. Так все называют.

– А фамилия? Имя?

На лице старухи появилось выражение растерянного затруднения, как будто она вдруг поняла, что забыла нечто важное. Впрочем, довольно быстро это выражение исчезло.

– Авдотья Лукинична Рыбакина, беспартийная.

– А я – младший лейтенант Белкин из МУРа. Послушайте, Авдотья Лукинична, мне сообщили, что в этой квартире живет шофер Борис Князев.

– Все так.

– Вы не знаете, где бы я мог его найти?

– Так убежал он.

– То есть как убежал?

– Ночью. Я не спала – слышу, шумят. Выглянула, а там Князев с какой-то сумкой у двери трется.

– Он сказал что-то? Может быть, сообщил, куда собирается?

– Нет. Я не спрашивала – он бы все равно не ответил, неразговорчивый был.

– То есть он ушел из дома с сумкой? А в каком часу это было?

– Ночью.

– Ясно... А когда вернулся со службы вечером?

– Не знаю.

– Хотя бы примерно? Поздно было или рано?

– Не знаю.

Дмитрий сдержал громкий вздох досады.

– В какой комнате он живет?

– Вторая дверь слева от входа.

– Вы позволите, я осмотрю его комнату?

Авдотья Лукинична сделала неопределенный жест рукой и полностью утратила к Белкину интерес. Он поднялся и отправился к указанной двери. Разумеется, она была заперта. Дмитрий присмотрелся к двери – ничего особенного, при наличии лома дело двух минут. Но хотелось обойтись без лома. Тут неожиданно из кухни раздался едва слышный голос Авдотьи Лукиничны:

– Только там заперто.

Белкин вернулся на кухню и спросил:

– Ключи были только у Князева?

– Нет.

– У кого еще?

– У меня.

– Можете открыть его комнату?

– Нет.

– Почему?

– Тогда все узнают, что у меня есть ключи от всех комнат.

– Вот оно что...

Дмитрий немного подумал, но решил отступить. Ключи могли быть у участкового, а если и нет, если Князев действительно решил сбежать, то его комнату нужно будет обыскивать по всей процедуре, и для этого способ ее открыть найдется. Ему же сейчас делать там было нечего.

– Ладно. А когда в квартире будет кто-то еще из жильцов?

– Вечером.

– А поточнее, если не затруднит?

Ответом Белкину был слегка укоризненный, неожиданно четкий взгляд. Он понял, что более точного ответа не будет, поэтому решил перевести разговор в иную сторону:

– А что вы можете сказать о вашем соседе?

– О Борьке-то?

– Да.

– Неразговорчивый.

– И все? Может, выпить любил или знакомства водил странные?

– Я же говорю – он не болтал.

– Жил один?

Старуха кивнула, не став тратить силы на слова.

– А как давно он здесь жил?

– Недавно.

Оставив за спиной утомительную старуху, Белкин некоторое время потратил на то, чтобы унять жар странной злобы, терзавшей его время от времени. Он понимал, что Авдотье Лукиничне просто много лет, и она в этом не виновата. Понимание помогало ему сдерживать гнев, но не помогало его не испытывать. Дмитрий предполагал, что это был его способ справиться со страхом. За последние годы он сильно продвинулся в умении выносить других. Конечно, в этом была большая заслуга Зины, но и он старался работать над собой. Возможно, что периодическая злоба, приходившая на смену неловкости и бесконечному страху, была той платой, которую ему нужно было заплатить.

Дмитрий погрузился в свои воспоминания – в то, что казалось ему прошлой жизнью, увиденной во сне, а затем тряхнул головой, сбрасывая вместе с воспоминаниями и остатки злобы...

* * *

Максим Суховей жил подальше от треста – к нему Белкину пришлось добираться на трамвае.

Очередной старый дворик, прячущийся от суеты большой Москвы. Но сегодня суета просочилась сквозь проезды и проходы, сквозь крыши и стены, сквозь окна и двери. Стоило Белкину завернуть во двор, как он сразу увидел знакомые фигуры в милицейской форме. Движимый явным любопытством и легким предчувствием, он подошел к милиционерам и предъявил документы.

– Поднимайтесь, ваши уже приехали. – Милиционер, назвавшийся Артамоновым, указал Белкину вверх по лестнице рукой с зажатой между пальцами папиросой.

– Да я, признаться, не по этому делу, товарищи. Я здесь случайно оказался. Вы ведь из ближнего отделения?

Артамонов кивнул. На его лице и на лице его коллеги застыло одинаково мрачное настроение, и Белкин буквально чувствовал, что им хотелось бы сейчас быть где-то в другом месте.

– Тогда вы можете мне помочь. Мне нужен Максим Суховей, шофер с мусорного треста.

Артамонов зло сплюнул, а голос подал второй милиционер:

– Товарищ следователь, поднимайтесь наверх. Вроде бы это как раз тот, кто вам нужен.

Дмитрий кивнул и бросил взгляд вверх, будто мог что-то разобрать по безразличным окнам, какое именно из них смотрит в нужную ему квартиру.

– Спасибо, товарищи.

Не став больше тратить время, Белкин взлетел по ступенькам на три этажа и едва не столкнулся с Володей Хворостинным – коллегой из МУРа.

– Митя, ты как здесь?

– Я по душу Максима Суховея.

На лице Хворостина появилось озадаченное выражение.

– Так, а тебе он каким боком?

– Проходит по текущему делу.

– Вот оно что... Давай так – ты иди, посмотри, что там, а потом расскажешь о своем текущем деле.

Дмитрий кивнул, а Хворостин уже прошел мимо него и стал быстро спускаться вниз.

В маленькой квартирке пахло кровью. Ничего удивительного – прямо в центре единственной комнаты лежало тело женщины, в виске которой зияла окровавленная дыра, оставленная каким-то массивным предметом с острой кромкой. Один сильный удар, и все...

На диванчике рядом лежал, раскинувшись, мужчина. А вот его убили несколькими – Белкин насчитал четыре – ударами ножа. Весьма уверенно и хладнокровно. Что-то внутри Белкина затянулось в клубок мрачной злобы, когда он увидел рядом с диваном детскую люльку, которую закрывала от него фигура одного из следователей.

Белкин осторожно подошел к люльке и заглянул в нее. Ребенка в ней не было. Он не задавал этот вопрос, но ему на него ответили:

– Младенца не стали трогать – рука дрогнула. На его крик и вошли. Сейчас он у соседки.

Милиционеров внизу больше не было – теперь их место занял не менее хмурый Хворостин. Когда Белкин поравнялся с ним, Володя бросил:

– Ну, рассказывай.

* * *

Связь гибели Сухова и его жены с исчезновением Князева была не фактом, но Белкин не мог себе позволить просто списать все на поразительное совпадение. Никаких совпадений здесь не было. С обоими мусорщиками начали происходить неприятные приключения ровно в тот момент, когда из их грузовика Прохоров (или его люди) вытащили обескровленный труп. И тот, кто эти приключения устраивал, готов был идти дальше по дороге смерти.

Белкина кольнуло чувство, густо замешанное на волнительном и тревожном воспоминании, – чувство, что он отстает на шаг и все время опаздывает. Он очень не любил это чувство.

Хворостин отправился по соседним квартирам, а Белкин решил вернуться на место убийства. Он встал в углу, стараясь никому не мешать, и уставился на стену, обклеенную старыми газетами. Мысли цеплялись за осколки старых передовиц и новостей ушедших дней. В Сталино – рекордные выработки угля, в Ленинграде – открытие театрального сезона, а в Москве – квартира с трупами.

Исчезли люди, затем буквы, и Белкин, наконец, смог сконцентрироваться на деталях. Оба покойника были в домашней одежде, вернее, в исподнем – спали или готовились ложиться. Значит, дело было ночью или поздним вечером. Или утром? Могло быть и утром. Дмитрий увидел, что тело Сухова покоится поверх окровавленного клетчатого одеяла, а из-под края этого одеяла выглядывает белая простыня. Тесноватый для двоих диван, но бывает и хуже.

Он припомнил дверь в квартирку – повреждений на ней не было. Непохоже, что ее выбили. Кроме того, это бы наверняка услышали соседи, и, скорее всего, Хворостин бы уже об этом знал. А если убийца не вламывался, значит, его впустили. Значит, его здесь знали. Белкин тут же поправил себя – могли пустить и незнакомца, если у него были нужные документы. Но людей с нужными документами вряд ли бы заинтересовал шофер мусоровоза Сухова. А курьер, укрывающий следы преступления? Курьер заинтересовать мог.

Дальше. Это не было похоже на ссору. Ссора наполнила бы тесную комнатку криками и бранью, а криков и брани не слышали – слышали плач проснувшегося ребенка. Причем почему он проснулся – от голода или от шума – неизвестно. Если не ссора, то что? Хладнокровное убийство. Но кому мог понадобиться шофер Сухова? Только тому, кто понимал, что за груз он возит. А кто мог это понимать? Тот, кто этот груз ему подкладывал, и тот, кто возил его вместе с ним.

Но зачем так грязно и кроваво? Трудно было подстеречь Сухова в подворотне или подъезде? В этом случае убийство сошло бы за грабеж, и совершенно не обязательно, что его бы привязали к странному обескровленному трупу. Значит, было ограничение по времени. Резкое. А еще, возможно, кто-то перепугался. Перепугался до такой степени, что пошел на убийство молодой матери. А ребенка не тронул. Взыграли человеческие чувства? Но у хладнокровного убийцы нет человеческих чувств...

В разум Дмитрия вдруг забрался образ старого друга, на этот раз не окровавленно-разбитый, а живой и мудрый. Белкин настойчиво повторил себе: «У ХЛАДНОКРОВНОГО убийцы нет человеческих чувств». Если бы здесь поработал палач, заматающий следы, он прибрал бы и ребенка. И что-то подсказывало ему, что тот, кто выкачал из несчастного юноши всю кровь, был как раз хладнокровным убийцей. А вот тот, кто «поработал» здесь... просто спешил. И очень боялся... Так перед мысленным взором Дмитрия возник второй шофер – Князев. Белкин не знал его лица и фигуры, не имел даже его словесного портрета, а потому мог представить себе лишь размытую тень с сумкой на плече. Он вновь бросил взгляд на труп мужчины и дополнил расплывчатый портрет – к сумке на плече добавился нож. Навскидку – складной, короткий, но опасный в умелых руках. Затем Дмитрий перевел взгляд на труп женщины – раскинутые руки, разошедшиеся ноги, согнутые назад, на лице безмятежность, а на виске крова-

вый пролом – это что-то подручное, пускай Хворостин ищет. Еще один намек на то, что убийца не до конца все спланировал, иначе женщина была бы убита ножом. Но действовал он твердо и очень быстро – никто и пикнуть не успел. Наверное, она погибла первой – четыре удара ножом требуют больше времени, чем один удар по голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.